Фебус. Недоделанный король

Автор:
Дмитрий Старицкий

Фебус. Недоделанный король

Дмитрий Старицкий

Фебус #3

Они оба должны были умереть. Но судьба распорядилась так, что в теле наследного принца Наварры из XV века поселилось сознание старика-музейщика из нашего времени. И так они оба выжили. Один телом, другой сознанием. Музейщик-историк знал, что если юного принца сейчас не убили люди короля Франции – родного дяди, между прочим, то короля Франциска Наваррского точно отравят. Свои. Хотя и внешних врагов будет достаточно. Страну просто рвут на части более сильные соседи – Франция, Кастилия, Арагон. И местная феодальная знать заранее выбирает себе новых покровителей, не принимая всерьез юного мальчика, хорошо играющего на флейте. По дороге домой принц Франциск по прозвищу Фебус собирает под свою руку рыцарей, лучников, легистов, горожан… Но музейщик в теле принца боится встречаться с матерью Фебуса, которая цепко держит нити власти на землях севернее Пиренеев. И если его до сих пор не разоблачили, то только потому, что он не совсем человек для своего окружения. И тут судьба подбрасывает ему на пути еще одного попаданца, который семь лет как живет в теле бастарда д’Арманьяка, мечтающего вернуть себе свою страну, захваченную французским королем. Неожиданно Фебус получает поддержку и от ордена францисканцев. «Сколько там осталось времени до того, как меня отравят? Полтора года? Ну, держитесь…» Был уже в Наварре король Карл Злой, будет вам Франциск Грозный!

Дмитрий Старицкий

Фебус. Недоделанный король

Глава 1

Боевой разворот

Растолкали меня ближе к рассвету. Очень вежливо, но настойчиво. Аккуратно поставили вертикально относительно земли.

В неверном мерцании ночного светила, что пробивалось в узкое оконце, показали прислоненный к губам палец.

Тихо помогли одеться не проснувшемуся еще организму. И так же молчаливо потянули к выходу.

На импровизированном ложе, с которого меня подняли, разметавшись пышным телом, спала сочная молодка в задранной до талии рубахе, хвастливо выставив на всеобщее обозрение завидную мохнатость в паху.

«М-дя… – подумалось мне, – интимных стрижек тут долго еще не увидишь, как и бритой киски. Не в этой жизни…»

Недолго думая вынул из кошелька золотой флорин и положил его на ту дерюжку, которая нам с неведомой подружкой служила простыней, ей под бок.

Много?

Много, очень много, за одну-то ночь, но это чтобы не говорили, что король – скряга.

И ласково накрыл ее овчинкой – хоть тут и юга, а все же октябрь на дворе…

Девушка, причмокивая во сне, пошевелилась слегка, повернулась на бок и, засунув обе ладошки под щеку, продолжала сладко спать. Выражение ее симпатичного лица было вполне довольным жизнью. «Знать, ночью я не

оплошал», – подумал я о себе с приятным чувством выполненного мужского долга.

Здание, из которого мы вышли, скорее напоминало большой двухэтажный каменный сарай, нежели жилье. На свежем воздухе меня с Микалом нетерпеливо ожидал мой телохранитель негр Марк, сидящий справа от входа неожиданно в обнимку с большим кудлатым псом. Тоже черным, жутко лохматым, с высунутым от удовольствия широким розовым языком с черным пятном посередине. Они так колоритно смотрелись на фоне беленой стены здания, что невольно подняли мне настроение на пару градусов.

Слева от двери перетаптывался зевающий паж с тазиком колодезной воды в руках.

Спокойные как слоны амхарцы поддерживали висящего у них на руках распустившего губы пьяного в уматень Грицка, даже мычать не способного, но с саблей на боку.

Конюхи еще топчутся в сторонке, оттянув себе все руки вещами господ, обреченно ждут дальнейших указаний. Перегарный выхлоп от них шибал даже оттуда.

Яркая луна на исходе заливала просторный двор, сломанную телегу, беленую ограду и темные крыши соседних домов. Светло, хоть газету читай.

Наконец-то я проснулся и вспомнил, что мы вчера с местными пейзанами активно праздновали Вино примеро, или Виналии, если смотреть уж в самую римскую древность, откуда этот праздник первого вина разошелся по Европе. У французов, как припомнил я из прошлой жизни, в будущем праздник Божоле нуво в ноябре проходит. Но тут, почти на тысячу километров южнее, наверное, все быстрее созревает. Память услужливо подкинула пример, что в той же Тамани виноград зреет на месяц раньше, чем в Крыму, хотя они на одной широте расположены.

Тамань…

Археология…

«Писистрат» в количествах, превышающих возможности печени… Хорошее было времечко на раскопках Фанагорийской канавы. Девочек студенток-первокурсниц, которые весь сезон ни капли в рот спиртного не брали, в последнюю неделю споили как последних лошар. Но как! Из килика «шестого века до…», найденного в том же сезоне в богатой могиле. Первая молодость! Как давно это было. Так давно, что до того времени еще полтыщи лет жить…

Впрочем, и нами вчера вина – настоящего вина сорта «Чаколи», а не виноматериала из ближайшего колхозного винзавода, производящего портвейн «Кавказ», – выпито было море, но голова ощущалась если не свежей, то вполне светлой. Вот и гадай, что тут первичное: молодость доставшегося мне тела или натурпродукт без ГМО?

Протер глаза, плеснув в лицо водой, огляделся. Местных никого нет. Только свои.

– Что тут у вас случилось ваще?.. – шепотом спросил я, поддерживая заявленный режим тишины, одновременно засовывая дагу за пояс со спины.

Если будят короля так вот затемно, то причина должна быть веской.

– Пора продолжать путь, сир, иначе мы тут надолго застрянем… – прошептал в ответ Микал, подавая мне меч с перевязью. – Валлийцы, хоть и сами на ногах еле стоят, всех уже собирают на западной околице этой вильи.

– Кони наши где?

– Кони уже все там, сир. Вас мы решили последним будить, когда все будет готово.

– Угу… понятно… – пробурчал я и поинтересовался: – А кого я этой ночью совокуплял, случайно не знаешь?

Микал только шире растянул рот в дурацкой ухмылке:

– Сир, то вдовая дочка рехидора местного… – но, наткнувшись на мой твердый взгляд, валет торопливо добавил: – Он не возражал.

– Хорошо, раз так, хоть девку им не спортил. А то бы неудобно получилось. И давно я с ней? Ну, это…

– Да как стемнело и все пошли с факелами по главной улице от церкви отплясывать, так я вам ее и подвел. Сир, я прекрасно понял, что просто так эта ночь не закончится. Уж очень вас несло на подвиги. Да и девки ихние вокруг вас все крутились, малолетки… Задал я нужный вопрос алькальду, и нам привели всех молодых вдов. Я двух самых красивых отобрал и к вам подвел, вы эту, – он отмахнул большим пальцем за плечо на сарай, – и выбрали. Со второй дон Григорий ушел.

– А ты сам без бабы остался? – удивленно спросил его я.

– Обижаете, сир… – развел руками Микал, словно я его в нерасторопности и дурости обвинил.

– Ну хорошо, коли так, что все хорошо закончилось. Пошли, что ли… сводник. А кто первым вас расталкивать начал?

– Амхарцы, сир. Они же до баб неохочие, хотя тяжело им вчера пришлось отбиваться от страждущего женского пола, но свои монашеские обеты они соблюли в строгости. И пили они очень мало.

Вот, значит, как. Рыцари ордена святого Антония в моем отряде уже военной полицией трудятся. Похвально. И что самое радужное – инициативно.

Выходили мы из поселка, стараясь не шуметь, хотя, как мне кажется, можно было смело всем автобусом орать, стучать, совершать подпрыгивания и прочие безобразия общественного порядка нарушать без применения средств пиротехники, так никого и не добудившись. Молодое вино – коварное. Все местные беспечно дрыхли, давя на массу отягощенными лишней жидкостью телами. Все равно во всех окрестных поселениях происходит то же самое. Бояться некого. Если и есть где лихие люди, так и тех давно споили до бесчувствия.

Светлое утро встретили в лесу около широкого ручья. Еще чуть-чуть, и его речкой надо называть. Напоили коней и мулов. Я приказал всем по паре котелков холодной воды на голову вылить. Для профилактики. Вот такой я

доктор-похметолог по фамилии Кайфоломов.

Гриц этими процедурами был очень недоволен. Матерился визгливо, как холодный сапожник, когда его из третьего котелка обливали, с первых двух он только мычал. Слава богу, что никто, кроме Микала, русского мата тут не понимал, а то пара вызовов на дуэль ему была бы точно обеспечена.

Потом провели обычный утренний рыцарский тренинг с оружием до седьмого пота. Вот тут-то, злобный на весь мир от нещадной побудки, Гриц и показал всем нам цирковое владение саблей. Виртуозное, я бы сказал.

Потом докопался в чем-то до Микала с его шотландским палашом и с педагогическим издевательством стал учить его отбивать вражеский клинок не лезвием, а обухом. Стараясь каждый раз плашмя заехать бедному валету по ягодицам саблей. Мстил, видать, тому за вылитую на голову холодную воду.

Потом по моему приказу все ворчливо мылись в холодном ручье, но ослушаться не посмели. Наверное, потому как я сам показал всем пример.

Брр…

Осень.

Да еще водичка, текущая с гор…

Однако в сознание пришли все.

Там и завтрак подоспел. Пшенка-размазня с копченым мясом. И сыть – разведенная с медом горячая вода, не знаю уж, как она тут называется, не спрашивал, чтобы не спалиться.

А когда все поели и окончательно пришли в себя, я скомандовал марш.

Шли волчьим изгоном: часть пути на рысях, часть шагом; так коням комфортнее и они устают меньше. И хотя скорость такого марша невелика, идти им можно долго. Во всех поселках, деревнях и городках, что мы за этот день проезжали – а Баскония довольно плотно населена вдоль старой римской дороги, везде нам

предлагали выпить. На шару, просто потому что праздник. Впрочем, уже без того восторженного энтузиазма, который явно царил тут прошлым днем. Сказывалась на людях и общая усталость, и недовольство их печени.

Я сразу объявил по отряду, что у нас орденский обет: до Сан-Себастьяна – ни капли вина и сидра. Только чистая колодезная вода. Возражать мне не посмели, даже Григорий. А местные, услышав от моих людей такой страшный рыцарский обет в этот веселый праздник первого вина, так в каждой вилье козий мех с вином с собой в дорогу дарили. От чистого сердца, жалея нашу трезвость.

Один перец даже крикнул нам вслед:

– В Сан-Себастьяне, сеньоры, вино никогда делать не умели. Попомните меня. Клянусь святым Фурмином!

Где-то в подкорке я понимал, что наказываю не отряд, а самого себя, за свой вчерашний спонтанный порыв и последовавшую за ним разнузданность. Но досталось-то им, спасшим меня от обязательного утреннего братания с поселковой властью. А там… рамсы, базары и просьбы, в которых трудно отказать после такого загула. А выпросить у молодого да пьяного можно много, если умеючи. И ведь ни одного упрека от свиты! Был бы тут мой шут, я бы уже такого наслушался в собственный адрес… Но шут в Дьюртубие секрет мелованной бумаги ищет. Карты игральные делать. Бизнесмен, ёпрыть! Нет, мамаша моего дю Валлона явно его не от рыцарственного папаши на свет произвела, а от заезжего негоцианта. Иначе откуда у него столь серьезные поползновения попытаться везде и на всем срубить левую деньгу не силой, а именно хитростью?

Проезжая главную площадь местечка Рантериа, увидел, как двое на двое играют в пелоту одетые во все белое молодые баски, стукая небольшим мячиком по стене церкви и отбивая его рукой. А толпа вокруг них беснуется, как фанаты на футболе. Разве что не дудят и не трещат.

И тут на меня снизошло…

Паллиатив, конечно, но с чего-то надо начинать. Организовать, к примеру, ежегодный всеваскoнский чемпионат по пелоте. С бешеным призовым фондом. Сначала по провинциям, а потом один раз в год команды – чемпионы провинций

сразятся за титул «чемпиона Наварры и всей Васконии» или, что будет весомей, чемпионат за переходящий кубок короля, полный монет. И приурочить такие чемпионаты к крупным ярмаркам и рыцарским турнирам. По силе воздействия на публику может прокатить не хуже баскетбола в Америке или футбола в Англии. И назвать это «Народный турнир по пелоте». Всесословный… Играют только васконы. Заманчиво… На полноценную объединительную идею не тянет, но… футбол и хоккей в мое время были вполне действенной манипулятивной технологией управления населением. Чужое быстро не внедрить, так что местное надо полностью использовать.

Интересно, что корриды здесь я не только пока не видел, но даже и не слышал ни от кого о ней. И ни одной арены для нее ни разу на глаза не попадалось. Забавно.

До Сан-Себастьяна осталось всего несколько лиг неспешного пути, когда баннерет д’Айю громко крикнул:

– Защищайте рея!

Обернувшись, увидел, как в клубах пыли мчится на нас по дороге, догоняя, вооруженный отряд, сверкая на солнце доспехами, но без знамен. Из-за поднятой ими пыли трудно даже разобрать, сколько их там.

Валлийцы повернули своих мулов и съехали с дороги. Спешились. Встали в шеренгу, отдав мулов моим конюхам. Открыли на поясе цилиндрические тулы со стрелами. Лук в левой руке. Длинная стрела – в правой. Солнечные зайчики весело играют на полях их шапелей.

Амхарцы поправили шишаки и, удобнее перехватив в руках свои легкие копья, выстроились поперек дороги, закрывая меня от преследователей. Второй шеренгой за ними встали латники из Фуа. Эта тонкая черно-желтая линия только и отделяет меня от неведомых врагов. Эстетично, черт меня подери. Хоть в кино снимай.

Марк и Микал около меня, по бокам.

Марк, проверив, как выходит его большой топор из седельного крепления, нет ли зацепок, развернул мое знамя, красное полотнище которого тут же стал трепать ветер.

Микал взвел арбалет и вставил в него болт с бронебойным наконечником.

Гриц, оруженосцы и паж построились сзади, обнажив клинки.

Беарнские стрелки, не покидая седел, отъехали на противоположную валлийцам обочину дороги и подняли на плечи взведенные арбалеты.

Вьючных коней конюхи и слуги отвели к мулам валлийцев.

Я надел на голову шлем с короной и застегнул под подбородком ремешок, расправил бармицу. По телу пробежала легкая дрожь – пошел в кровь адреналин. Встряхнувшись, вынул из чехла аркебуз и перекинул на грудь лядунку с пулями.

Конюхи подвели мне боевого андалузца, уже оседланного. И я пересел на него с Флейты. Негоже нежную девочку-иноходца в бой кидать.

Жеребец как почуял близость драки, перебирал подо мной сильными ногами и, всхрапывая, грыз удила, показывая мне свою готовность бить, рвать и кусать.

– Все готовы? – оглянулся я по сторонам.

Все готовы. И к сражению, и к прикрытию моего бегства, если враг окажется намного сильнее нас.

Подумалось, как быстро и как несвоевременно до меня добрались мои рикос омбрес. Как же им невтерпеж меня порешить. Знать бы кто это: Боамонды или Грамоны? Впрочем, какая разница, от кого по сусалам получать тут, «меж берез и сосен»? Это чужая земля. Не Беарн и даже не Наварра. Тут я никто и зовут меня никак. Так что рассчитывать можно только на свои силы, местные за меня не впишутся.

Осталось между нами не больше ста метров старой римской дороги.

Амхарцы и латники из Фуа опустили к бою копья. Их всего девять всадников.

Валлийцы подняли луки и только ждали от меня команды.

Пятьдесят метров… Можно уже уверенно стрелять на убой, а я все что-то медлил с отдачей команды… Сам себя понять не мог, почему торможу.

Но неожиданно для нас неопознанный враг сам остановился в некотором замешательстве.

От их кавалькады отделился пропыленный всадник на черном как смоль андалузце и в одиночку шагом потрусил по направлению к нам.

Забрало салада поднято. Рожа у всадника такая бандитская, одноглазая…

ОДНОГЛАЗАЯ!!!

Саншо!

Какое счастье, просто оргазм, а то я тут чуть в штаны не наложил. Прямо на старой римской дороге. И могли бы благодарные потомки потом как-нибудь памятник на этой обочине поставить с надписью: «Здесь 8 октября 1481 года жидко обделался от страха не коронованный еще король Наварры Франциск I Фебус».

Боже, как меня выматывает это постоянное ожидание драки! Местным проще, оно у них на уровне рефлекса «включил-выключил». А я с туреньского леса все ожидаю подвоха и постоянно начеку. Надо приспосабливаться, а то так и крыша может поехать, черепичками шурша.

Растолкав конем латников Фуа и амхарцев, я выехал вперед, осененный знаменем. Марк не отставал от меня ни на шаг.

– Что случилось, друг мой? На тебе лица не видать, – спросил я кантабрийского инфанта, когда тот сократил расстояние между нами до двух лошадиных корпусов.

– Феб, катастрофа! – По пропыленному лицу Саншо из-под шлема заметно стекали дорожки пота, единственный глаз смотрел так же властно, как и всегда, а вот голос его слегка дрожал. – Апокалипсис. В По, к твоей матушке, прибыло посольство от Паука. Шесть нотаблей. Они от имени руа франков сватают Каталину.

– За кого сватают? За д’Альбре? – уточнил я, памятуя тетину информацию, полученную мною еще в Нанте, но не доведенную мной до Саншо, чтобы заранее буйного кантабрийского инфанта не нервировать.

– Да, – несколько ошарашенно ответил мне Саншо. – А откуда это тебе известно?

– Я их исчислил, – ответил я, припомнив старый одесский анекдот. – А за кого именно сватают? За старшего или младшего?

– За старшего.

– Подонок! – выругался я. – И тут не может не нагадить в душу.

– Кто подонок? – опешил Саншо, недоуменно вращая единственным глазом.

– Паук подонок, – рявкнул я. – Этот pedofil д’Альбре в три раза старше моей сестры. Младший хоть ей ровесник. Почти… Но и он нам ни разу не нужен.

Вот так вот. Свой «гениальный» план обретения Наварры французский король проворачивает уже без оглядки на меня. То есть меня – такого красивого – в раскладах уже вообще не воспринимают. Я в их глазах если и не мертвец, то труп политический уж точно. А когда они меня отравят, то малышка Каталина станет наваррской рением Екатериной Первой, мамаша в таком случае даже претендовать не будет на регентство, потому как у дочери – умудренный опытом властный муж, удачливый полководец, который и станет новым королем Наварры и Беарна.

А я?

А меня торжественно похоронят в соборе. Все как и было в прежней жизни. Только д’Альбре тогда оказался никудышным королем. Несамостоятельный,

чрезмерно ориентированный на Францию верный вассал короны Капетингов, он не только упустил влияние на Басконию, но и потерял всю верхнюю Наварру по перевалы, где незамедлительно утвердился Арагон, извечный враг Франции. Никого потом не впечатлило, что король Арагона, чтобы поднять наваррских кабальеро под свои знамена, как заправский мошенник подделал буллу папы римского, которой отлучали д’Альбре от церкви, а его вассалов – от клятв верности ему.

Но это все в будущем.

Теперь уже в вероятном будущем, потому как здесь появился новый непредсказуемый вектор «европейского концерта» – я. Большой и неожиданный сюрприз для всех врагов: отягощенный послезнанием пятидесятилетний ум в теле пятнадцатилетнего подростка.

– Становимся на привал, – приказал я. – О таких новостях вредно думать на пустой желудок. Язва будет.

Я с несомненным удовольствием знакомил высшую пиренейскую знать с кавказским шашлыком, запивая горячее сочное мясо терпким молодым вином, надаренным нам по дороге. Естественно, пришлось выдать это блюдо за свою придумку. Каждый попаданец, по сути, злостный плагиатор. Ибо все, что у попаданца есть преимущественного – это послезнание. Закон жанра. Хорошо еще, что тут никому промежуточный патрон не нужен, а то бы я выдал рецепт любому желающему. Все равно он без автомата вещь бесполезная. Тут пока и пушки-то нормальной ни у кого нет, только кустарные бомбарды, сваренные из полос плохого железа.

Мясо молодого барашка еще в замке замариновали в вине и луке со специями. Везли его с собой конюхи в кожаном мешке. Думал, ужин у нас будет особый, а оказалось, что недообед. И тот только на следующий день. Вчера вместо ужина мы молодым вином надрались как свиньи всем автобусом. А что? «На халяву и уксус сладкий» – говорят в моем старом времени. А это винишко местное было очень даже мц-мм… Сейчас же у нас ланч, если уж совсем по-попадански. Кетчупа да аджики только не хватает за отсутствием в Европе томатов как класса. Где сейчас этот Колон-Колумб ползает? Вроде как в Португалии. Ничего, открою Морскую академию в Сибуре, заманю его туда в качестве картографа.

Заманю и коварно погоню за помидорами через океан. Или Кабота? Или Веспуччи? Мне лично наплевать, кого назначать «открывателем Америки». Главное, чтобы у Кастилии этого варианта не было в принципе. Как и у Англии.

Сидели на седлах около прогоревшего костра, над которым жарили мясо на углях, нацепив порционные куски на очищенные ветки лещины. Снимали готовые прутики и ели шашлык с ноздреватым деревенским хлебом, запивая молодым вином. Не хуже, чем пивом запивать. Просто в прошлой жизни пиво было дешевле.

Впрочем, такой способ приготовления жаркого, кусками на веточке, существовал тут и до меня; главное, чтобы мясо было свежим, лучше всего парным. Я лишь показал, как правильно предварительно это мясо мариновать, чтобы оно дольше сохранялось в готовности к жарке.

– Что еще у нас плохого, – спросил я, когда все заморили первого червячка, – что вы так заполошно преследуете меня? Кроме давно ожидаемого нежданного сватовства.

– А тебе мало? – вытаращил дон Саншо на меня свой единственный глаз. – Мы не могли ждать, Феб, когда ты соблаговолишь вернуться из Лойолы. Тут такое… А без тебя… Впрочем, я тебе все уже рассказал. Боюсь я остаться без обещанной мне суженой. Но если есть что у дона Хуана, то он дополнит.

И Саншо снял с углей свежий прутик с нанизанным на него шашлыком и с аппетитом вгрызся в сочное мясо, постанывая от пищевого оргазма.

– Ваше величество, позвольте для начала выразить вам свое восхищение этим походным блюдом, – вкрадчиво напел кастильский граф, – я бы с удовольствием перенял для собственного пользования рецепт этого «императорского жаркого».

– Нет ничего проще, дон Хуан, – ответил я ему и продиктовал рецепт маринада для мяса.

– Так просто? – удивленно откликнулся дон Саншо, отрываясь от шампура.

– Все гениальное просто, дон Саншо, – польстил мне лукавый кастильский царедворец. – Такое мясо действительно на жару от углей не твердеет и сохраняет свой сок. А специи придают ему изысканность аристократического блюда. Хотя на мой вкус я бы добавил еще гвоздики.

– Гвоздики не было в замке, – развел я руками. – Но вы правы, дон Хуан, полдюжины гвоздичин на бурдюк были бы совсем не лишними во вкусе этого мяса.

– У нас в Кантабрии предпочитают жаркое делать сразу из целой туши дичины. На вертеле. На малом огне, – высказался дон Саншо, в духе «и мы не лыком шиты».

– Тут ни в коем случае нельзя допускать открытый огонь, – наставительно произнес я. – Только жар от углей, а то подгорит. И будет уже не «императорское жаркое», а нечто малосъедобное. Но, дон Хуан, вы что-то хотели мне поведать?

– Да, ваше величество, если позволите мне доложить…

Я подтверждающе махнул рукой. Рот был занят шашлыком.

– Оставаясь в Биаррице, – продолжил граф, – я с оказией отослал несколько писем, чтобы прощупать почву на родине, прежде чем отправиться туда самому. Нанял слуг, чтобы не в одиночку ездить по этим горам. Мулов вьючных. Справил себе приличный своему сану гардероб…

Ох, какие они все тут неторопливые и велеречивые. Тягомутные. И этот граф все тянет и тянет кота за хвост, прежде чем приступить к существенной информации. Пока он подробно расписывает все этапы своей подготовки к броску на родину, мы уже с Саншо по шампурчику и по паре кубков вина приговорили. Медленными глоточками. По опыту уже знаю, что поторапливать местных рассказчиков – только сбивать их с мысли; больше времени потеряешь, лучше набраться терпения. Что поделать, скорости жизни у аборигенов пока не выше тридцати километров в час, и то на короткие расстояния. Лошади – не машины, отдыха требуют. Кстати, вы «Дон Кихота» читать в полном академическом издании, а не в кратком переложении для детей не пробовали? Та же волына с кучей совсем ненужных для сюжета подробностей и

пространных отступлений.

– Не знаю, заинтересуют ли эти сведения, ваше величество, что кум мне из Сеговии сообщил промежду прочими дворцовыми сплетнями… – наконец-то де Базан добрался до чего-то конкретного.

Я кивнул: типа продолжай, а там мы посмотрим.

– Изабелла Католичка недавно издала буллу, в которой приравняла всех басков поголовно к нобилитету. Я подумал, что для вас это могут быть нужные сведения. Ваше величество, я у вас в долгу, так что если мне удалось услужить вам хоть в малости, то я просто счастлив буду.

– Чем она руководствовалась, когда подписывала такую буллу? – задал я вопрос в лоб, предварительно прожевав то, что было у меня во рту.

– Точно мне не сказать – меня долго не было дома, но думаю, ваше величество, это связано с большими дебатами в последние годы в самой Кастилии по поводу чистоты крови, а баски просто под руку подвернулись как аргумент в споре.

– С чем это связано, конде? – уточнил я у графа де Базан.

– С тем, что многие не хотят признавать знатность за мавританскими кабальеро, которые перешли на сторону христианских монархов. Тогда можно было бы их лишить кабальерий и раздать их земли христианским идальго на кастильской службе, многие из которых вовсе безземельные.

– Я не об этом, дон Хуан. Меня интересует: в чем смысл постулата о чистоте крови? Я откровенно не понимаю его. Вроде как апостол Павел четко и недвусмысленно сказал, что «нет ни эллина, ни иудея, ни скифа, ни варвара, есть только братия во Христе».

– Смысл в том, ваше величество, что настоящий идальго не должен иметь в себе ни капли крови евреев и мавров. Просто христианином в наше время быть уже недостаточно, – посвятил меня в местные заморочки кастильский вельможа. – И так много проблем с маранами и морисками в их лживом обращении к Христу. Только напоказ. А тайно они продолжают совершать свои богомерзкие обряды.

– И откуда такой высокоумный философ у вас там завелся? Концептуалист, прямо предтеча natsizma.

Не обратив внимания на незнакомый термин, де Базан ответил:

– Тома? де Торквемада из Кастилья-ла-Вехи, духовник Изабеллы. Он племянник кардинала Хуана де Торквемады, который сам маран и одновременно автор трактата об основных ошибках пророка Мухаммеда. Как это пикантно, вы не находите, ваше величество? – улыбнулся граф.

– Ничего не понимаю, – воскликнул я, потому как с последними известиями пазл местного политикума в голове у меня не только не складывался, но даже то, что я раньше сложил, рассыпалось.

– Новообращенным кабальеро из мавров, возможно, придется, потеряв военную службу короне, уйти под покровительство церкви и воевать уже за церковный престимоний, а то и вовсе в монахи постричься в орден Калатравы или Сантьяго. Чем церковь в Кастилии, несомненно, укрепит свою силу, и так уже немалую.

Сказав мне это, граф многозначительно кивнул головой.

А я добавил:

– А также не будет стачки кастильских и мавританских кабальеро против короны. И если часть кастильских идальго снова пойдут «войной инфант» на Изабеллу, то можно будет на них натравить мавров.

Видя, что дон Хуан подтверждающе мне кивает, переспросил, откровенно недогоняя, в чем тут тайная фишка:

– Это мне понятно, но при чем тут баски?

Граф вздохнул и с придворным терпением просветил такого непонятливого меня. Я не возражал. Сам перед ним ношу маску плохо образованного провинциального виконта, лишь волей Фортуны вознесенного к вершинам власти в столь нежном возрасте.

– Баски первыми начали Реконкисту, ваше величество. Они никогда не мешались в своих горах с маврами и евреями. У них самая чистая кровь на всем полуострове. В то же время они не воюют по вассальной присяге за пределами своих земель, такова их древняя привилегия. Однако они хорошие и надежные бойцы. Если им отдать земли мавров на юге, то корона получит много лояльных кабальеро, не склонных к бунтам из-за притеснений мавров в пользу христиан. Но просто так басков на службу не заманить. В казне денег особо-то и нет. Остается только земля, которая на юге вся занята маврами. К тому же в последнее время всё с большим скрипом вилланов посвящают в кабальеро. Их и так сейчас слишком много развелось из-за военных потерь среди нобилитета, что не может не вызывать недовольства старой знати. Вот и должен теперь отличившийся на поле боя кастильский виллан, чтобы стать кабальеро, сначала доказать чистоту своей крови. А баску этого не нужно.

Ну вот и начали окупаться мои инвестиции в нобилитет соседнего королевства. А если бы я пожмотничал… так бы и ходил, ничего не зная, что творится за бугром, прямо под носом.

– Так что получается: всех басков поголовно сделали знатными? – уточнил я.

– Именно так, ваше величество, – ответил граф де Базан.

– Всех-всех?

– Нет. Только в Алаве, Бискайе и Гипускоа. На твою Наварру Изабелла не покусилась, – вклинился в наш разговор ухмыляющийся довольной рожей дон Саншо, отбрасывая в сторону пустой шампур и размазывая жир по ладоням, разве что пальцы не облизывая.

– Забавно, – протянул я. – Больше, чем в Кастилии, кабальерос, наверное, только у польской короны. У франков соотношение простецов к нобилям – сто к одному. Вряд ли больше у дойчей в Империи. А в Кастилии их сколько? Десять к ста будет?

– Если не считать мавров на службе короне, то примерно восемь из ста, ваше величество, относятся к нобилитету, – уточнил дон Хуан. – Не все из них кабальеро, много простых идальго без кавалерственного сана. Так и ходят до смерти в эскудеро.

– Но зачем это надо самой Изабелле? – спросил я. – Насколько я о ней слышал, она, в отличие от своего мужа, глупостей не делает.

– Через два дня старшины Басконии собирают в Гернике под священным дубом басков объединенную Генеральную хунту, – вклинился дон Саншо. – Мне об этом из дома сообщили. Там им зачтут эту буллу. Мадрид желает объединить все три бегетерии Басконии в одну провинцию, а не принимать клятву сюзерена по отдельности, как было раньше. Зачем? Не ведаю.

– Так у них там три бегетерии совсем недавно образовалось, всего пятьдесят шесть лет назад, – выдал справку младший де Базан, который прислуживал нам виночерпием. – Кроме Алавы. Там это произошло намного раньше.

– А из кого они вправе выбирать себе сюзеренов? – заинтересовался я подробностями. – По фуэро.

– Только из тех корон, кто уже ранее владели ими: Астурия, Кастилия и Наварра, – ответил дон Хуан.

– Астурийский принципат отпадает. Принц Астурийский теперь – титул наследника кастильской короны, – опять младший из Базанов подогнал нужную справку.

– Да, друзья, умеете вы обрадовать… – протянул я уныло.

– Феб, Каталину надо спасать, – подал недовольный голос дон Саншо.

«Кто о чем, а шелудивый о бане», – припомнил я любимую пословицу своего отца, но сказал совсем другое.

– Ты прав, Саншо, – ответил я ему, успокаивая, – обязательно спасем. Я ее руку тебе обещал?

– Обещал, – с готовностью подтвердил кантабрийский инфант. – И она мне обещала выйти за меня замуж.

Мило улыбнулся и добавил:

– Еще в детстве.

Базаны от последней фразы инфанта прыснули в кулачок, но тот не обратил на них внимания.

– Слово принца тверже стали – помнишь? – заверил я его и взял на ум, что в детстве, видно, Саншо плотно общался со мной и сестрой.

Но подробности этого надо выяснять не у него, а стороной.

– Помню, – улыбнулся дон Саншо, удовлетворенно сверкнув единственным глазом.

– Вот и не сомневайся, – заверил я его.

И, оставив кантабрийского инфанта, который зачарованно улыбался чему-то там такому внутри себя, вскочил на ноги и энергично раскомандовался:

– Кончай ночевать! Седлать и на? конь! Проверить подковы и копыта. Чтоб в пути никаких задержек не было.

Наш импровизированный лагерь зашевелился, затопал, застучал, зазвенел, заскрипел. Зашипели заливаемые костры. Пахнуло мокрой гарью и прелой листвой.

– Ты прав, Феб, нужно поторапливаться, – вдохновенно вторил мне вскочивший следом дон Саншо. – Не то они быстро там все свои темные делишки прокрутят, мы и оглянуться не успеем. Итак… – расправил он плечи. – Едем за Каталиной в По?

Я осмотрел пожухшие листья под ногами, листья на ветках, которые опадают зелеными, вздохнул глубоко, унял взбунтовавшееся сердце и ответил на выдохе:

– Нет, брат. В Гернику!

Повернули обратно и поехали по направлению к Гернике. Наш отряд, увеличившийся на копье сьера Вото и дюжину слуг графа де Базана, неторопливо пылил по затянутым со временем землей камням старой римской дороги.

Половина слуг кастильского графа были неплохо вооружены для простолюдинов: копья, короткие мечи на широких поясах толстой кожи, кожаные гамбезоны, обшитые на груди металлическими бляшками, на головах шлемы толстой кожи, усиленные железными полосами крест-накрест на куполе. У двоих арбалеты, у остальной четверки – по паре метательных дротиков. Остальные слуги копий не имели, зато тесаки на поясах носили солидные, и маленькие топорики типа франциски, которыми не только рубить, но и метать можно ловко, на спине за пояс заткнуты. Эти вообще без головных уборов.

За собой на чембурах эти слуги вели крепких вьючных мулов, нагруженных упакованной по-походному поклажей, в которой даже на первый взгляд было много больше вещей, чем того требовалось просто для не столь далекого путешествия в Мадрид или Сеговию. Совсем не жалеет кастильский граф моих денег.

Подозвал Микала и, когда тот подъехал ко мне, тихо спросил:

– Базанам деньги выдавал ты?

– Согласно вашему указанию, сир, – ответил валет. – Но младший получил только то, что вписано ему в престимоний. А старшему вы сами, сир, дали открытый счет…

И показал мне лицом, что он тут совсем ни при чем.

– Ага… – протянул я, соглашаясь со своим походным казначеем. – Дал… Ищи теперь следы на волне…

А внутренне обматюкал себя самыми поносными словами, потому как только теперь дошло до моей бестолковки, что любая вербовка в любой спецслужбе зиждется на двух китах: письменном обязательстве вредить своей родине и

расписках в получении за это денег. Иначе списывай все расходы по графе «политическая благотворительность».

– Сир, если вы о расписках конде в получении денег печалитесь, – прервал мое самоистязание Микал, – то они все у меня полностью в особом тубусе собраны. В том числе и те траты Базанов, на которые я выдавал ремесленникам Байонны не монеты, а долговые векселя. Все сочтено до последнего обола, сир.

Умеет этот парень порадовать. Вот и выпрямился гордо в седле, углядев, как посветлело мое лицо.

– Молодец, Микал, я в тебе не ошибся, – не стал я задерживаться с похвалой. – Но как это тебе удалось?

– Очень просто, сир. – Микал состроил хитрую мину. – Я лицо подневольное, находящееся в рабском состоянии, за казну ответственное, подотчетное. С меня спрашивается за каждый серебряк – куда он делся. Так что без расписки в получении никому ничего не выдам, пусть даже по приказу самого рея. Да хоть папы римского.

– Отлично, Микал. Ты меня порадовал. Феодализм – это контроль и учет! Выпиши себе золотой в качестве награды за отличную работу, сверх жалованья.

– Благодарю вас, сир, – поклонился валет в седле.

И сам сияет как новенький золотой.

– Свободен пока. Будешь нужен – позову. И не забывай о Григории, присматривай за ним. Язык учи?те, а то Марк скоро лучше него говорить будет на эускара.

Марку приказал пока никого ко мне не подпускать – думать буду.

А думать было над чем. Для начала над тем, что я скажу Генеральным хунтам Басконии, стоя под священным дубом в Гернике. Выберите меня своим сеньором, потому что я красивый, а Изабелла – нет? Там же не дураки сидят, а умудренные жизнью тертые-перетертые перцы в самом расцвете сил и интеллектуальных

способностей. Им выгоды подавай, а не хлопки одной ладонью. А мне крайне нужно, чтобы сюзереном своим они выбрали меня, а не Изабеллу или ее Фердинанда. Иначе вся моя программа собирания земель васконских в единое государство летит под откос. Бискайские баски – это цемент, связующий басков наваррских и гасконских. Это то необходимое введение третьего элемента, которое по диалектической логике снимает напрягающее противоречие.

Денег я от этих басков не получу, как не получает их и Кастилия. Вот тут-то и стал понятен мне тайный замысел Изабеллы с ее всеобщей нобилитацией Басконии. Не получать вообще денег с подчиненной провинции королеве не просто стыдно, но где-то даже и неприлично. Тут все налоги, сборы и пошлины остаются в руках Генеральных хунт провинций. А ей – шиш. Но если здесь будут жить только дворяне, тогда все нормально и пристойно. Дворяне налогов деньгами не платят. Они свою дань короне отдают кровью на полях сражений.

Итак, денег нет, мобилизационный ресурс, что бы там ни говорил де Базан, по большому счету – гипотетический, потому как баски давным-давно отвоевали себе право не служить по королевскому призыву вне своих земель. Так что если рассматривать басков как потенциальных солдат, то придется Изабелле дополнительно раскошелиться из своей казны и нанимать их в частном порядке. Насколько помню из курса истории, Изабелла королевой была умной, но прижимистой. Предпочитающей редко, но резонансно делать время от времени щедрые жесты, исключительно для пиара. Отпадает такой мобилизационный ресурс даже на море, ибо флота как такового у Кастилии еще нет. Бискайские баски португальской короне моряками служат. А на Средиземном море Кастилия пользуется пока галерами Арагона и рыцарских орденов.

Что-то я упустил. Возможно, самое главное. Где мне найти то самое слабое звено в цепи, о котором постоянно талдычил нам Маркс? Где ахиллесова пята Кастилии?

Кроме Толедо, что-то я не припомню навскидку у них другого крупного промышленного центра, да и тот по большому счету наследство мавров. К тому же Толедо напрямую зависит от поставок качественного железа из Басконии. Тут железа хватает с избытком не только на Кастилию, но и в Англию еще экспортировать. Там война гражданская идет, и железа много надо обеим сторонам. Хотя лично я на месте кастильской королевы держался бы только за железо, если вообще никаких других ресурсов тут больше нет. А они есть.

Поманил пажа и приказал позвать ко мне старшего Базана.

– Счастлив служить вам, ваше величество, – изящно прогнулся в седле кастильский аристократ, на рысях приблизившийся ко мне.

– Дон Хуан, просветите юношу, ищущего знания: какой товар главный в вывозе его за пределы земель кастильской короны? – спросил я его.

– Овечья шерсть, ваше величество, – тут же ответил граф. – На втором месте – оружие и доспехи из Толедо. Шерсть во Фландрию. Оружие в Англию. Это главные покупатели. Сукно готовое еще франки покупают, но наше сукно грубое. Кожи вот у нас хорошего качества выделываются – их все берут.

– А вино?

– Вино у наших соседей у всех есть свое, ваше величество, – с сожалением произнес граф. – Если его и вывозить, то только в ту же Англию выгодно. Но они за каждую бочку, снесенную с корабля на берег, требуют еще дать им бесплатно тисовую палку как заготовку для их длинных луков. Дальше на восток вином особо не поторгуешь – там Ганза блюдет свою монополию. Да и возить вина от греков им выгоднее речным путем. Греки в вина мед и смолу добавляют, чтобы оно не скисало в дороге. Вкус вина конечно же от этого портится, но, видать, там к такому притерпелись.

– А остальные ваши ремесла?

– Остальные ремесла, ваше величество, даст бог, покрывают только потребности той округи, в которой ремесленник живет. Практически всё кроме оружия нам ввозят из-за моря или поставляют мавры.

Ну, с оружием он это загнул, хотя среди мавров много хороших оружейников, которым в общем-то по барабану, кто у них это оружие покупает, лишь бы платили нормально.

– Следует ли из этого, дон Хуан, что ваша корона живет с продажи шерсти?

– Истинно так, ваше величество, – подтвердил мои догадки де Базан, – с шерсти и еще с военной добычи.

– Какие купцы сидят на этом шерстяном потоке?

– Есть такая особенность, что всеми процессами сезонного перегона скота в Кастилии руководят не купцы, а совет крупных скотопромышленников – Ме?ста.

– Мне бы пообщаться с вашей Местой. С теми, кто в ней реально принимает решения. Это возможно?

– Не вижу особых проблем, ваше величество. Я сам до плена некоторое время входил в совет Месты.

– Так там у вас гранды, а не купцы заседают?

– И гранды тоже в этом совете есть. У них много земли, много скота. Проблема свободного сезонного перегона их кровно интересует. Как и продажа шерсти за границу. Некуда ее девать дома.

Граф немного замялся, ожидая с моей стороны еще вопросов, но через минуту моего молчания просительным тоном от меня потребовал:

– Ваше величество, недалеко от Герники я вас покину. Учитывая мои чрезвычайные обстоятельства на родине, мне будет неполитично пребывать в вашей свите напоказ эмиссарам из Мадрида. Но если вы настаиваете…

– Нет, конде, я не считаю себя вправе на чем-либо настаивать в вашем сложном положении, – отпустил от себя я лукавого кастильского аристократа. – Но за вами Места, ваше сиятельство.

– Я ваш должник, ваше величество.

Граф отстал, а я опять смотрю на пыль, выбиваемую копытами передового дозора. «И ведь никому в голову не приходит, что дорогу надо чистить!» – пробежало в голове мелкое раздражение местным ЖКХ. Тысяча лет прошла. От древних римлян одни воспоминания остались, а дорога, построенная

имперскими легионерами, как стояла, так и стоит. Увы… чем дольше живет человечество, тем больше теряет оно в качестве того, что творит.

Чем еще хорош иноходец, так это тем, что, не слезая с седла, можно на гитаре играть. Совсем не трясет, едешь как в кресле, только слегка из стороны в сторону покачивает. Чем я и занимаюсь после беседы со старшим Базаном. Перекинул левую ногу через переднюю луку седла, поставил на бедро гитару, которую еще в Дьюртубие мне переделали в удобную и привычную для меня шестиструнку. Щиплю ее потихоньку и думаю. У меня и в прошлой жизни такая привычка была – думать под вольный перебор струн. Стимулирует активность мозговой мышцы.

Вот блин горелый… две трети работы короля – думать. Никогда бы не догадался раньше. Считал, что главное для любого правителя – это принимать решения. Но тут, прежде чем принять решение, надо крепко обдумать все последствия такого решения, иначе возможны самые невероятные результаты.

Но внезапно нахлынуло совсем другое… Жил себе да жил… Ну ладно – доживал, если по гамбургскому счету, старый, больной, одинокий и никому не нужный музейщик. Весьма сведущий в средневековом оружии. Целый кандидат исторических наук (это для Москвы или Питера почти ничто, а в губернском городе это о-го-го!). Заведующий отделом средневековой истории в губернском музее. Получал нищенскую зарплату, которой хватало только на коммунальные услуги и аптеку. На хлеб подрабатывал киношными консультациями и экспертизой антикварного холодного оружия, благо на него последнее десятилетие ломовая мода. Да и киношники у нас считай что прописались, потому как за разворовыванием городского бюджета власти оставили центр города в практической неприкосновенности начала XX века. Раньше же, при коммунистах, средства на «реконструкцию» в пятилетний план Москва все откладывала на лучшие годы и доотклaдывалась, пока коммунистов в стране не осталось. Вот и снимают у нас сейчас сериал за сериалом практически без остановки – живая натура.

Жил. Никого не трогал.

Из всех богатств – большая, но очень специфическая библиотека.

Ничьей зависти не вызывал.

Никаких артефактов иных цивилизаций в руках не держал.

Лампу Аладдина не то что тереть – в глаза не видел.

Как вдруг… маршрутка летит на спуске под бензовоз. А я – в маршрутке.

И что?

И все.

Вместо рая или ада, иного подобного места на «том свете» – спецпоселения какого там или подкомандировки для атеистов и агностиков, оказался я после автокатастрофы… точнее, даже не я, а только мое насквозь охренелое сознание – в теле пятнадцатилетнего парня. Красивого лицом парня с золотистыми волосами до плеч, хорошо развитого – почти качка. Бабья смерть, а не мужик. Повезло. Принца, кстати. Без булды, настоящего принца княжества Виана, наследника престола королевства Наварра. С тех пор в нем я и живу почти два месяца. А куда делось сознание самого принца – черт его знает, я этим не заморачивался.

Все по старой поговорке, что лучше быть молодым, здоровым и богатым, чем старым, бедным и больным. Мечтал я о таком? Да не то чтобы мечтал… так, вздыхал иногда про «если бы молодость знала, если бы старость могла…». Сбылось: в молодом теле – старые мозги с солидным таким послезнанием развития Европы лет на пятьсот вперед. И старость теперь может, и юность знает. Сознание и память – мои, а тело – несчастного принца, у которого сознание вышибли, но не смогли добить при дворе родного дяди – французского короля; так ведь отравят обязательно, через годик где-то. Чуть ли не родная мать. Так записано в «Хрониках Гаскони». Коротко и невнятно.

Вторая жизнь, что напрокат поднесли мне на блюдечке с голубой каемочкой. Где-то на год с небольшим. И я вместо того, чтобы предаваться давно недоступным удовольствиям, оторваться на полную… государственные думы думаю и промышленность тут пытаюсь поднимать. Прогрессор, ёпрыть…

Сам себя не понимаю. Жизнь попаданца, как сейчас про такое говорят. Даже целый раздел есть такой в фантастической литературе. Только там все больше про Сталина и сорок первый год пишут или про Русско-японскую войну. Избывают национальные пораженческие комплексы. А я тут торчу в пятнадцатом веке, за десять лет до открытия Колумбом Америки. Охудеть, дорогая редакция… Нет в жизни счастья. Любой дефицит сбалансированно обременен никому не нужным товаром: всё как в советском продуктовом наборе к празднику.

И ведь не с кем мне тут этой проблемой поделиться – враз квалифицируют как бесноватого и на костре сожгут. Кто вселяется в тела добрых католиков? Все знают. Бес! А бес на поверку – всего лишь придурковатый попаданец, считающий аборигенов глупыми только потому, что они айфона не видели. Впрочем, таких глупых попаданцев в первую очередь и жгут на кострах. Чтоб не умничали.

Не глупее нас предки. И знают не меньше нашего. Просто знания у них несколько другие. Дай мне топор и отправь в тайгу – долго я там выживу? А русский мужик во все времена с одним топором не только выжил, но и великую империю построил, пока его не коллективизировали.

Думал я по первости бросить эту немытую Европу и на Русь пробираться… Типа «к своим». Но это была скорее инерция мышления. Кто там сейчас для меня «свой», в пятнадцатом веке? Я даже языка разговорного толком не знаю. Читаю – да, и на церковнославянском, и на старорусском, который теперь в научной среде принято называть «руським» – от слова Русь. И правит там сейчас полный аналог Всемирного паука французского – великий князь Владимирский и Московский, Господарь всея Руси Иван Великий, он же Грозный, номер три. Как писал про него Костомаров: «…человек крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, неуклонный в преследовании избранной цели, скрытный. Чрезвычайно осторожный, во всех его действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отвагою, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами; он никогда не увлекался, зато поступал решительно, когда видел, что дело созрело до того, что успех несомненен». Собиратель земель русских. Но вот именно сейчас, через год после «стояния на Угре», он даже еще Тверь к Москве не присоединил.

Ну и на фига попу баян? То есть мне такой царь? Те же яйца, только в профиль с французским Пауком Людовиком номер одиннадцать.

Да и добраться еще надо до Руси через всю Европу на четырех копытах: через Францию, кучу Германий, Венгрию, Польшу да Литву, и все для того, чтобы стать на родине «безродным иноземцем», и это в лучшем случае, несмотря на то что тут я целый принц. Да еще при таком Господаре всея Руси, около которого надо ходить сторожко, как по минному полю. Но, скорее всего, меня и там родные русские люди за бесноватого примут, кабы даже не быстрее местных европейцев, как не приняли двести лет спустя царя Дмитрия Первого только потому, что тот после обеда не спал. И если не сожгут, то посадят пожизненно в темный поруб на Соловках или еще в каком северном монастыре – холодный, каменный, ниже уровня земли и без окна. На хлеб и воду. Без свечи. Где единственным развлечением мне станут на всю оставшуюся жизнь редкие посещения отважных монасей, пытающихся попробовать на мне свой талант экзорциста.

Или в Литве Руськой, сиречь великом княжестве Литовском, русском и жмудском, как бы еще не хуже будет. Если не сожгут, то придется мне хоть с той, хоть с другой стороны собственных предков резать. Инерцию исторической ткани порвать не удалось даже царю Ивану Грозному, который номер четвертый, а уж на что по делам своим чувак попаданец попаданцем из либеральных интеллигентов.

Тут исчезнувший во мне пацанчик хоть местными языками меня бесплатно одарил. Принимают все вокруг за своего. И вроде как коронуют еще до Рождества. И люди вокруг есть готовые за мою жизнь положить свою.

Вывод?

Вывод простой: забыть, как меня звали в прошлой жизни, и впредь даже про себя именоваться только Франциском по прозвищу Фебус. Похитил чужую жизнь – ею и живи. Я даже не Штирлиц, потому как нет у меня Центра, куда нужно шифровки слать. Я тут работаю только на себя. И нет у меня другого пути, как пищать да лезть на наваррский трон. При этом не дать себя отравить. Любая альтернатива ведет к смерти. А я уже умирал. Больше как-то не хочется.

И плевать мне, каким образом кто-то все это сотворил: сугубо научно темпоро-нано-молекулярно или с помощью примитивной магии, а то и вовсе божественного промысла. Мне дали второй шанс прожить еще одну жизнь. Практически с начала. Не в хлеву, не рабом на галерах, даже не феодалом в сельской глуши, где единственные развлечения – охота да право первой ночи. Я без пяти минут король басков, пусть и не всех басков, а только их части. Но о чем мечтают баски в моем третьем тысячелетии? О своем едином национальном государстве.

Вот и появилась в моей новой жизни достойная цель.

А тем, кто меня сюда зашвырнул, просто скажем: «Спасибо». На эускара.

Глава 2

Феодальные выборы

Тренькал, тренькал я струнами, пока не вспомнил…

Директриса наша музейная по жизни во всем подражала незабвенной Антоновой, директору Пушкинского музея в Москве, даже в прическе и стиле одежды. Только вот не было в ней железного характера бывшего офицера НКВД, молодость положившей на розыск вывезенных фашистами из СССР художественных ценностей. Но антоновскую идею «Декабрьских вечеров» в музее слямзила у той и проводила у себя исправно. И публику сортировала так, что в нашей губернии попасть на эти «Декабрьские вечера» к нам в музей считалось пропуском в истеблишмент региона. Какие интриги вокруг весьма недешевых билетов разворачивались… куда там разным мадридским дворам.

Нам, самим музейным руководителям, если не место на галерке, то приставной стульчик на этой культурной программе всегда был положен, зато безвозмездно.

Как-то выцепила директриса через федеральный минкульт нам заезжего гастролера из Испании. Гитариста-виртуоза с пышной седой гривой на голове и седой же бородкой-эспаньолкой, как у старого идальго в «Собаке на сене». Что

мужик с гитарой вытворял… Даже представить себе такое невозможно, что обычная акустическая деревяшка может страдать и радоваться с такими эффектами. На том концерте я впервые узнал, что для гитары много писал Паганини, тот самый, который Никколо, скрипач-виртуоз. Первым отделением у маэстро была гитарная классика, а вторым он играл мелодии разных народов Испании. Последним номером он еще и спел. Плохо пел, но с душой. И музыка была проще. Зато пел стоя, как гимн.

Все эти концерты мы, конечно, из аппаратной записывали в хорошем качестве. И часто копия такой записи служила дефицитным толкачом для чего-нибудь музею нужного у чиновников из ранга «не допущенных» на эти концерты губернатором с директрисой.

Эту запись потом, дома, я и сам часто крутил. Настроение повышала.

Вот и сейчас я тужился припомнить ту композицию с песней, подбирал ее на гитаре. Благо у меня Флейта – иноходец: разве что покачивает меня в седле немного вправо-влево, но не трясет.

И тут меня просто пробило. Я осознал вдруг, что тот испанец с музейного концерта единственную свою песню пел нам на эускара. На васконской мове, которую я тогда вообще не знал.

А как звали того виртуоза? Я и не припомню сейчас. Давно это было.

На второй день пути в дымке стелющегося от моря дождя, окруженная убранными желтыми полями и еще зеленеющими перелесками, показалась искомая Герника.

Квартирьеры, высланные заранее вперед, встретили наш отряд на окраине города и виновато развели руками: на постоялых дворах мест нет. Никаких. В частном секторе – тоже. В городе фестиваль, аншлаг и столпотворение. Прямо Вудсток. Не то что окрестные деревни, даже луга вокруг города практически все заняты под шатры. Старшины Басконии слетелись сюда не одни, а каждый со свитой и слугами. И все при оружии. Свиты у многих сеньоров поболее, чем у меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dmitriy-starickiy/febus-nedodelannyy-korol

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить